

но они решительно не заинтересованы в реставрации насильственного «коммунизма», прекрасно пригодившегося лишь для разрушения старого социального строя. При таких условиях не подлежит сомнению, что эволюция большевизма будет на наших глазах все развиваться и углубляться. Новые экономические отношения уже отражаются в правовой сфере (новый гражданский кодекс, выработанный народным комиссариатом юстиции), затем неизбежно наметятся реформы управления, а когда окончательно созреют кадры новой буржуазии, — последуют, вероятно, соответствующие «рефлексы» и в области «большой политики». Но революционный облик страны все же останется, и глубоко заблуждаются те, кто еще мечтает о контрреволюции старого, «белого» или «зеленого», типа. Мы вступили на «путь термидора», который у нас, в отличие от Франции, будет, по-видимому, длиться годами и проходить под знаком революционной, советской власти. Не бессмысленно бороться с новой Россией — долг русских патриотов, а посильно содействовать ее оздоровлению, честно идти навстречу «новому курсу» революционной власти, становящемуся жизненным, мощным и неотвратимым фактором воссоздания государства российского.

Такова позиция примиренчества в вопросе «эволюции большевизма». Если кто-либо хочет **добросовестно** оспаривать эту позицию, то он должен прежде всего понять ее. Иначе кроме «холостых выстрелов», кроме пустой и несносной болтовни — ничего не получится.

Три «борьбы»

I

Рыцари Грюнвальдусы¹ нашей эмиграции уже заерзали на своих камнях под влиянием неотразимой логики жизни. Но вовсе покинуть облюбленные и насиженные словесные «позиции»² они все еще не в состоянии. «Дела и дни»³ давно ушли вперед, а язык по привычке твердит старые фразы, нередко уже лишённые какого бы то ни было осмысленного конкретного значения. Прочистить же национальную идеологию от засорившего ее балласта изжитых настроений не хватает силы и интеллектуальной смелости.

До сих пор, как известно, большая часть эмигрантской прессы пропитана все той же сакраментальной формулой: **борьба**. О борьбе

с московской властью пишут не только мумифицированные политики типа Бурцева⁴ и его поклонников. Идею борьбы бережно консервирует и умный набоковский⁵ «Руль»; к борьбе любит призывать и П. Н. Милюков, все фатальнее разрывающий с кругом приемов «старой тактики», и пражские эсеры, и «великий патриот» Савинков, построивший за последнее время в Варшаве новый план старого «спасения»... Лозунг «борьба» все еще висит в зарубежном воздухе и склоняется во всех падежах.

Но ведь всякий лозунг должен иметь реальное, действенное содержание и соответствовать определенной политической цели. Тем и отличается хорошая политика от дурной, что ее лозунги способны «двигать горою». — Каково же реальное содержание той «борьбы», которая рекомендуется «непримиримыми» всем русским и нерусским людям по отношению к советской власти?

Проанализируем мыслимые формы борьбы и рассмотрим, насколько возможна и целесообразна каждая из них для блага России при современной обстановке.

II

В первую голову — рецепты «старой тактики» (поскольку она не скрывает стыдливо свои конкретные рецепты). Принцип «раздавите гадину». Борьба белыми армиями. Борьба интервенцией. Будоражить европейское общественное мнение, всемерно науськивая его на новые военные предприятия. Пестовать Врангеля, даже Меркулова⁶, заигрывать с польскими военными кругами, с японскими, с чьими угодно. Организовывать и поддерживать тайные военно-политические организации внутри России, не смущаясь жертвами. Все это делать в форме прежних белых движений («Вожди»), а еще лучше, пожалуй, — исподволь перерождать идею военной диктатуры в принцип монархии (ну, парламентарной, ну, конституционной, — ну, а, впрочем, там видно будет!), т. е. белое превращать в черное⁷.

Такова **борьба номер первый**⁸. Можно ли теперь о ней говорить серьезно? Кажется, уже сами творцы парижского «Национального Комитета»⁹, ее отстаивавшие, убеждаются друг за другом по очереди в никчемности своей затеи...

Белых армий нет. Врангелевцы рассасываются по всевозможным Бразилиям, остатки восточного фронта распыляются, разлагаясь от бездействия, тоски генеральских дрязг в Приморье. «Плацдармы» белого движения уничтожены, и заграничные покровители не собираются их реставрировать.

Период интервенции миновал, сколько бы ни кликушествовал о «крестовых походах» псевдо-классический христианин¹⁰ г. Мережковский¹¹. По-видимому, даже и Япония будет рано или поздно вынуждена под давлением общей обстановки освободить оккупированный ею кусочек русской территории (и тогда — прощай приморский «оазис»!). Мировое общественное мнение глухо к покорнейшим просьбам и истерическим заклятиям известной группы русских изгнанников, и наивны ее мечты, что эту глухоту возможно побороть одним лишь языком¹². Существенные элементы европейской дипломатии¹³ — рабочие круги — недвусмысленно сочувствуют русской революции, и хотя сочувствие это в значительной мере пассивно (ни о каком подражании «русскому опыту» сейчас, очевидно, не может быть и речи), — но его все же достаточно, чтобы парализовать какую бы то ни было **прямую борьбу** держав Антанты с Россией.

Что же касается военных заговоров внутри самой страны, то их заведомая бесплодность также ясна сама собою. Они дорого обходятся, и не улучшают, а лишь ухудшают положение: больше всего им радуется Чрезвычайка, озабоченная продолжением своего существования и чующая, что уже истекают, наконец, ее «судьбой отсчитанные дни»...¹⁴

Остается последняя ставка старой тактики — карлики санитарного кордона, уцелевшие благодаря нашей гражданской войне¹⁵. Но и они — плохая опора. Ни желания, ни, главное, сил нет у них для новой борьбы. Они предпочитают беседы с Караханами¹⁶ и Ганецкими¹⁷.

«Давить гадину» определено некому и явно нечем.

Но если бы даже и удалось каким-либо чудом гальванизировать труп бело-интервентского движения, — к чему привело бы оно? По всем данным, доходящим из России, там оно встретило бы решительный, дружный отпор. И проснувшееся патриотическое чувство, и естественный инстинкт самосохранения элементов, — связанных или связавших себя с революцией, и справедливая боязнь социальной реставрации — все это объединилось бы в борьбе с новой авантюрой. Она была бы на руку лишь левым коммунистам: вновь неизбежно воскрес бы «военный коммунизм», вновь обрели бы социально-политический базис сторонники экстремистской политики, и та благотворная эволюция Москвы, которая ныне заставляет говорить о «сумерках революции», была бы искусственно сведена на нет. На ликвидацию нового бессмысленного пароксизма болезни ушли бы те силы и средства, которые ныне еще сохранились в стране и представляют собою основу ее органического выздоровления.

Господа Бурцевы, Врангели, Меркуловы и разные старо- и неомонархисты являются, таким образом, лучшими союзниками и помощниками тех коммунистов, кои заражены «детской болезнью левизны»¹⁸. Они вольно или невольно хотят быть Иисусами Навинами, затягивающими революционный день¹⁹. Они упорно «ловят за фалды» покидающий Россию коммунизм. Но — тщетно!

Говорить серьезно о «борьбе» в прежнем смысле слова теперь уже, конечно, не приходится.

III

Но есть еще **борьба номер второй**. Борьба не белая, а зеленая. Не «генеральская», а «демократическая». Не интервентская, а чисто домашняя. Тот пресловутый «зеленый шум», который воспевают Савенков²⁰ и которым его пылкие дальневосточные поклонники готовы были недавно наслаждаться даже в номерах портартурских отелей. Или — в несколько иной концепции — та «народная борьба», о которой философствует академичный П. Н. Милюков и мечтают романтические эсеры. Борьба с большевистской диктатурой «для народа и через народ». Ни Врангель, мол, ни Ленин, ни царь, ни комиссар.

Этот зеленый лозунг несколько более свеж, чем белый. Но реальный его смысл при нынешних условиях не менее безнадежен.

Если П. Б. Струве назвал первую стадию русской революции «пугачевщиной во имя социализма», то зеленое движение можно было бы назвать **пугачевщиной во имя народоправства**. Теперь мы имеем уже достаточно данных, чтобы оценить природу этого движения. По существу своему она столь же далека от народоправства, чем от всякой другой государственно-правовой категории.

Вместе с тем вполне обозначилось и ее реальное бессилие. Все эти Махно и Антоновы²¹ ни в какой мере не смогут служить фактором объединения и прочного, положительного успеха. Они безыдейны и поэтому в конечном счете бессильны. Никакой «ставки» ставить на них нельзя: они всех обманут и все предадут.

Какой же смысл имеет потакание такой «борьбе»? Может ли она приблизить час падения ненавистных большевиков? Отнюдь нет: население, наученное горьким опытом, не верит уже никаким повстанцам и определенно ориентируется на сильнейшего, т. е. на советскую власть. Оно не хочет ни зеленой анархии, ни красных карательных экспедиций. Разве вот последним нужна наша неопугачевщина: если городские Чрезвычайки жаждут интеллигентских заговоров, то деревенские каратели естественно заинтересованы в мужицких

«восстаниях»²². Не по большевизму, а только по стране бьют стрелы «патриота» Савинкова.

Но, быть может, в определении народной борьбы нужно исходить не из факта наличной партизанщины, а из нормы желательных организаций. П. Н. Милюков и пражские эсеры готовы как будто вместо зеленого знамени выбросить красное, как в Кронштадте. Но разве не ясно, что время Кронштадта уже миновало? Больше того: разве не ясно, что победа Кронштадта была бы великим несчастьем для России? Его красное с прозеленью знамя быстро превратилось бы в зеленое, пробудив всероссийскую пугачевщину и затопив в потоках крови те реформы, которые сейчас проводятся сверху, при полном сохранении «революционного порядка» и основ государственной дисциплины. Прочтите «Правду о Кронштадте», изданную кронштадцами в Праге, — и вам станет ясно, могли ли бы эти наивные люди править государственным рулем.

Какое же содержание вкладывают теперь в лозунг «борьба» П. Н. Милюков и эсеры? Если они по-прежнему имеют в виду конкретную подготовку на русской территории всеобщего организованного вооруженного восстания, то их деятельность в своем практическом осуществлении ничем не будет отличаться от савинковского бандитизма и сведется лишь к поддержке выдыхающейся большевистской «Вохры»²³. Для национальных интересов России толку от этого будет немного. Всякое потрясение государственных связей в настоящий период нашей революционной истории не облегчит и не ускорит, а лишь затруднит и затянет процесс перехода страны от состояния революции к нормальной жизни.

Но, быть может, лозунг «борьба» допускает еще иное толкование?

IV

Мы переходим к **борьбе номер третий**. Она выгодно отличается от первых двух более трезвой оценкой собственных возможностей и похвальным сознанием бесполезности брэнчать оружием при создавшейся ныне в России обстановке. Это — борьба путем всестороннего бойкота и жестокой словесной критики советской власти. Иногда кажется, что именно эту форму борьбы выдвигают за последнее время Милюков и его единомышленники, разочаровывающиеся в пути каких бы то ни было вооруженных выступлений. Даже на страницах «Руля», охладевшего к Врангелю и всегда отвергавшего зеленые безобразия, можно как будто отметить подчас наличность аналогичных настроений (при резком разногласии с Милюковым в положительной

программе). Настроения эти вообще усиливаются в эмигрантской среде, что видно хотя бы даже по местному «Русскому Голосу», утратившему всякий курс, «по совести не знающему, где сейчас искать просвет» и превратившемся в мешанину сумбурных, взаимно исключаящихся тактических рецептов. Заколыхались, заерзали на камнях своих рыцари Грюнвальдусы...

«Бороться оружием с большевиками бесполезно, но мириться с ними нельзя», — часто слышишь теперь такую сентенцию там и сям.

Конкретные политические выводы отсюда следующие: — Не нужно невозможной интервенции, довольно генеральских авантур. Не следует провоцировать, воспевать или субсидировать и зеленую партизанщину. Острый период гражданской войны кончен, и воскрешать его нет оснований. Довольно бесплодных жертв. Но, однако, из этого не следует, что советская власть нами признается. С нею борьба продолжается, но борьба идейная. «Оружие критики» приходит на смену «критики оружием». Никакой работы с большевиками, везде и всюду пропаганда против них. Посильное противодействие признанию их иностранными державами, систематическое настраивание против них иностранного общественного мнения. Ни один эмигрант не должен возвращаться на родину, пока у власти большевики. Дружное моральное воздействие на «потустороннюю» интеллигенцию в смысле твердо отрицательного отношения к советскому правительству: «держитесь, мол, до конца и духовно не сдавайтесь»...

Эти рецепты умнее (ибо скромнее) беспочвенного алармизма, но и они ошибочны с точки зрения правильно понятых национальных интересов России. Принцип «ни война, ни мир»²⁴ — плохое разрешение нашего внутреннего кризиса. Саботаж власти давно изжит в России, и интеллигенция явно пошла на мир, — хотя бы и на «худой мир»²⁵ — с большевиками. Что реального даст стране доктринерская «непримиримость» эмигрантов? Она может лишь осложнить начавшийся процесс национального выздоровления. В случае окончательного завершения четырехлетней тяжбы о власти, гораздо скорее очистилась бы политическая атмосфера в стране. Враждебный гомон русской эмиграции лишь задерживает эволюцию советской власти, держа ее в перманентной настороженности, усиливая ее подозрительность и опасливое отношение к собственному сдвигу. Равным образом, формальное признание московского правительства со стороны цивилизованного мира²⁶, несомненно, благотворно отозвалось бы на экономической реконструкции и политическом успокоении страны.

Нет ничего более ошибочного, нежели мысль, что нынешняя ликвидация коммунизма происходит вследствие международной блокады

России и внутренней борьбы против советской власти. Объективный анализ свидетельствует о противоположном. Эволюция началась как раз тогда, когда договором с Англией была прорвана международная блокада²⁷ и поражением Врангеля, Балаховича²⁸ и Махно ликвидирована внутренняя борьба. Блокада, гражданская война и всевозможные саботажы не подрывали, а питали собой насильственный коммунизм, служили ему опорой и оправданием. И только победа советской власти выявила в глазах поддерживавших ее масс полную эфемерность немедленного коммунизма в России. Не борьба, а мир оказался пагубным для революционного утопизма. И чем плотнее будет погружаться Москва в океан современного «цивилизованного мира», чем глубже пускать корни в собственническое крестьянство и национальную интеллигенцию, — тем безболезненнее и быстрее завершится революционный процесс, осуществив свои **достижимые** цели и оплодотворив мировое будущее своими экстремистскими дерзаниями.

«Непримиримая» поза лишь помешает ее носителям принять участие в работе национального воссоздания и надолго отбросит их от России.

V

Итак, все три номера «борьбы» в настоящее время являются в лучшем случае анахронизмом. Все они, желая послужить Богу патриотизма, способны обрадовать разве только дьявола анархии и беспочвенного революционаризма. Родине они решительно не нужны.

Из этого не следует, конечно, что зарубежная русская пресса должна использовать свою свободу лишь для славословий по адресу советской власти. Скрывать многочисленные недостатки этой власти нет никаких оснований. Следует обличать безобразия чрезвычай (на основе фактических данных²⁹), конкретные пороки или преступления правительственных агентов. Необходимо давать серьезную, деловую критику тех или иных сторон правительственной деятельности. Нужно выдвигать на очередь вопросы о новых назревающих реформах, соблюдая при этом осторожную последовательность и трезвый реализм (не требовать журавлей в небе³⁰). Такая лояльная критика будет в интересах страны и явится фактором, способствующим начавшемуся перерождению революции. Пора всей нашей эмиграции переходить к роли «оппозиции Его Величества»³¹ по отношению к Москве, — т. е. оппозиции сотрудничающей, мирной и честно признающей власть в ее наличной форме.

И рано или поздно так будет. Еще поспорят да поплачут, «еще поморщатся немного, что пьяница над чаркой вина»³² (такой уж наш интеллигентский удел!), — а все-таки проснется же когда-нибудь государственный инстинкт! И, судя по многим признакам, — уже просыпается.

Вперед от Вех!

Когда я читал «Смену Вех», наконец, дошедшую до Харбина, меня прежде всего поразила глубокая **психологическая подлинность** основных ее мыслей, переживаний, призывов. Они невольно будили во мне прежде всего воспоминания о собственном внутреннем опыте за эти годы.

Ощущение, что вокруг совершается что-то огромное, необъятное, разрывающее все наши привычные мерки и масштабы... Мучительные усилия осознать, уяснить смысл налетевшего вихря, выработать путь самоопределения, линию правильного поведения... Чувство великой исторической ответственности, падающей на каждого из нас... «Умыть руки, отойти в сторону нельзя. Это, конечно, легче всего, но это преступление перед родиной» (Чахотин).

Мы не можем, не имеем права теперь предаваться какому-либо догматизму, духовной лени. Нет проторенного пути, нет старых путеводителей. Мы обречены на самостоятельное искание. Жизнь этих лет являет нам цепь непрерывных творческих откровений. Нужно внимать им, учиться у них. «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию!» (А. Блок). Более, чем когда-либо, кажутся проникновенными бредовые слова Конст[антина] Аксакова¹ о русской истории: — «Русская история имеет значение всемирной исповеди. Она может читаться, как жития святых»...²

Помню, как всегда, с первых же дней октябрьской революции, сознанию представлялись убийственно фальшивыми все ходовые элементарные ее объяснения, попытки дюймами измерить Монблан... Было ясно, то тут бессильны обычные категории, и недаром столь сумбурными и недействительными оказывались рекомендуемые политическими специалистами рецепты лечения. Мысль тосковала по разгадке вершащегося процесса, но не находила спасительных вех во «мгле» (Уэллс)³, охватившей страну. Наши вожди и учителя, а вслед за ними и мы бывали нередко похожи на архитекторов, кото-